

Мизансцены на собрании коллектива Самарского театра драмы возникали самые разные, но эмоции изливались исключительно негативного характера. Напрасно начальник областного управления культуры Светлана Хумарьян пыталась сдержать возмущение людей. Коллектив был готов выразить недоверие главному режиссеру и художественному руководителю театра Вячеславу Гвоздкову. Как ни пытались высокие начальники облемять профсоюзный актив и сорвать голосование, оно через несколько дней все-таки состоялось. Против Гвоздкова голосовал 81 человек, за — тридцать.

Высказанные ему обвинения Гвоздков отвергает. Да, платил бешеные по местным понятиям гонорары приглашенным режиссерам и художникам, не забывая при этом и себя. За пять репетиций пьес Франсуазы Саган, к примеру, отхватил аванс в 24 миллиона рублей. Но по европейским стандартам, которыми руководствуется Вячеслав Алексеевич, это не повод для разговора. Да и в России такие гонорары не редкость, если у театра есть деньги и после выплаты десятков миллионов худруку остается на хлеб с маслом и артистам, занятым в спектакле. В Самаре же после столь щедрых жестов перестали выплачивать даже пособие на детей. Средняя зарплата в театре в пределах трехсот тысяч рублей, а прожиточный минимум для Самарской области почти на стотысяч больше. Кстати, до прихода Гвоздкова из спектакли режиссеры получали в пределах двух-трех миллионов. Да, за девять месяцев проговорили по телефону более двадцати «лимонов», но ведь Гвоздков — творческая личность, которой надо самовыражаться. Худрук также ухлопал почти восемьсот миллионов рублей на световое оборудование.

Петр Монастырский, руководящий театром сорок лет, покупал оборудование дороже тщепешенного. В 1993 году на него было истрачено 200 тысяч долларов, и это не вызвало никаких возражений в коллективе. Деньги выделили спонсоры — не тощий карман театра. Израсходовали их рационально, и оно служит до сих пор. То, что приобрел Гвоздков, потребовало немало усилий местных специалистов при установке и отладке. И будущее его весьма туманно из-за дороговизны ламп, хотя одному спектаклю, подготовленному самим Гвоздко-

МАСТЕР БЕЗ МАРГАРИТЫ

Драматическая ситуация сложилась в старейшем провинциальном

Труппа 1996. Август 13

театре России

вым, лампы все-таки послужили.

На счету театра после ухода Петра Монастырского, руководившего коллективом сорок лет, с должностной худрука и главного режиссера оставалось около миллиарда рублей. Управление культуры выделило на развитие еще восемьсот миллионов. Помогали и спонсоры. Все эти суммы «плакали». У актеров и рабочих цехов исчезли премии и различные надбавки. Средняя зарплата снизилась до минимума.

Говорят, Гвоздкова знают по всей России, в Италии, Эстонии, в скандинавских странах. Говорят также, что не сильно-то он и равнялся на самарскую сцену. Уговаривали. В контракте отразили «европейское» денежное довольствие, строительство квартир, оплату гостиницы и прочие «пряники». Впрочем, сам контракт является жуткой коммерческой тайной, и сведения о нем просочились в коллектив со стороны. Представили Гвоздкова Самарскому театру заместитель губернатора О. Жабин, С. Хумарьян и председатель местного отделения Союза театральных деятелей В. Оттович. Коллектив почтывался себя слегка оскорбленным (могли бы с ним и посоветоваться высокие начальники), но принял мастера, в общем, приветливо. К тому же Гвоздков узнал про небогатую жизнь театра и заявил, что теперь она будет лучше. Народ до сих пор гадает, чью жизнь он имел в виду. Познакомило мастера со зрителями и местное телевидение. Первый и единственный спектакль «О людях и мышах», поставленный в Самаре самим Гвоздковым, был принят благосклонно. Но в коллективе Самарского театра наревал кризис...

Суть конфликта даже не в деньгах, которые Гвоздков тратит с размахом, а работникам театра в это время голодают. Главная причина — в его отношении к людям, — говорит заслуженный артист Республики Олег Свиридов.

Многочисленные свидетели подтверждают лексический пассажи маэстро, поворачивающие рамых провинциальных актеров в полуобморочное состояние. Кроме того, из сорока четырех актеров

группы в спектаклях были заняты около десяти. Хотя худрук Гвоздков обязан организовать работу всей труппы. Как главный режиссер маэстро тоже не отличался большим усердием, считают актеры. Творческий процесс протекал полоп так, что у провинциалов челюсти отвались. Приглашенный и тоже талантливый режиссер Д. Астрахань репетиции проводил наездами. Часто они проходили без него по видеозаписям... предыдущих репетиций. Но обошлось это театру в 30 млн. рублей.

Первые «бунтарские» речи в коллективе прозвучали весной, когда Гвоздков довел театр до полного безденежья и отбыл в Прибалтику ставить спектакль. Если бы директор В. Тузиков не раздобыл деньги на зарплату у сочувствующих коллектива спонсоров, Самара имела бы бастионный театр уже в апреле. Учитывая бедственное положение, директор и главный бухгалтер отказываются от персональных надбавок. Гвоздков их примеру не последовал. Очередная критическая ситуация возникла в эти дни. Гвоздков всячески откладывал заключение коллективного договора, не желая себя связывать обязательствами перед профсоюзной организацией. Коллектив раскололся на враждующие группировки...

Мастер готов принять извине-

ния и благосклонно простить оппозиционеров. Но они не идут. «В упор», как выразился один из них, не желая видеть в стенах театра Гвоздкова. В непримиримой оппозиции цвет труппы: народная артистка СССР Вера Ершова, заслуженные артисты Республики Ольга Шебуева, Владимир Борисов, Олег Свиридов и многие другие, которых знает и любит Самара. В ответ на их претензии маэстро, ульбаясь в бородку, отвечает со страниц газеты «Будни» коллективу театра: «Я вас очень люблю».

Впрочем, такая всеохватывая любовь не помешала ему вынудить директора театра В. Тузикова, огласившего на собрании финансовые операции шефа, написать заявление об увольнении по собственному желанию. Причем «собственное желание» было так велико, что Тузиков попал в больницу. Вопреки мнению любимого коллектива Гвоздков тут же принял нового директора, которого в свое время вы propane из театра. Теперь борьба ведется уже по двум направлениям: за увольнение Гвоздкова и восстановление Тузикова. Обсуждаются планы судебных баталий и установки палаток на площади перед местным Белым домом, если Гвоздкова попытаются оставить в театре. Неизбежно грядут очеред-

ные инфаркты и истерики.

— Областные руководители должны прекратить свой диктат по отношению к театру, — считает П. Монастырский, продолжающий оппозицию цвет труппы: народная артистка СССР Вера Ершова, заслуженные артисты Республики Ольга Шебуева, Владимир Борисов, Олег Свиридов и многие другие, которых знает и любит Самара. В ответ на их претензии маэстро, ульбаясь в бородку, отвечает со страниц газеты «Будни» коллективу театра: «Я вас очень люблю».

Впрочем, такая всеохватывая любовь не помешала ему вынудить директора театра В. Тузикова, огласившего на собрании финансовые операции шефа, написать заявление об увольнении по собственному желанию. Причем «собственное желание» было так велико, что Тузиков попал в больницу. Вопреки мнению любимого коллектива Гвоздков тут же принял нового директора, которого в свое время вы propane из театра. Теперь борьба ведется уже по двум направлениям: за увольнение Гвоздкова и восстановление Тузикова. Обсуждаются планы судебных баталий и установки палаток на площади перед местным Белым домом, если Гвоздкова попытаются оставить в театре. Неизбежно грядут очеред-

говорила она, с этим, дескать, ничего не поделаешь. А когда Ванда Павловна что-то не устраивала, она поворачивалась и безропотно уходила, чтобы не спорить с режиссером. На меня повеяло морально крепостной актрисы...

Я хотел бы, чтобы Гвоздкову были принесены извинения за адресованное ему одним актером в пылу разборок грубое слово. При этом я очень надеюсь, что маэстро, оценив ситуацию, сам расторгнет контракт и расстанется с театром на всегда. Его ведь знают и ждут в Прибалтике, Италии и во всех скандинавских странах. Там гонорары не чета нашим — в Самаре-то теперь вовсе нечем платить. Да и нравы тут у нас провинциальные. Мы убеждены, что режиссеры, которые считают себя талантливыми, должны доказывать это своими спектаклями. Утверждать в них высокую мораль, да и в жизни стараться руководствоваться этими критериями.

Пока материал готовился к печати, закончился отпуск у коллектива театра. Первый рабочий день был ознаменован двумя событиями. В Пушкинском скверике прошел короткий митинг, в котором приняла участие большая часть труппы. А в театре — собрание. Председатель профкома И. Борискин в своем выступлении здесь высказал ту же мысль, что прозвучала и на митинге: решение о недоверии художественному руководителю остается в силе. Заместитель главы администрации области с этой мыслью не согласился и призвал коллектив жить дружно. Получился ли?

Александр ПЕТРОВ.

САМАРА.

Прокомментировать статью нашего собкора мы попросили председателя Союза театральных деятелей России, народного артиста Михаила Ульянова.

— Глядя из Москвы, трудно судить о том, кто прав, а кто виноват: я с уважением отношусь к и к взволнвшему на свои плечи столь тяжелую ношу Вячеславу Алексеевичу Гвоздкову и к артистам Самарского театра, которых я знаю и люблю. Скажу одно: победителей в этом конфликте не будет, раскол пагубен для любого театра. За примерами не надо далеко ходить: взгляните хотя бы на судьбы Таганки, МХАТа, Волгоградского театра драмы, который из-за внутреннего конфликта был закрыт.

Я не хочу касаться конкретных моментов статьи: с чем-то я согласен, что-то вызывает мои возражения. На мой взгляд, формально Вячеславу Алексеевичу Гвоздкову трудно предъявлять какие-либо претензии, хотя ряд этических норм и т. д., скорее всего, был нарушен. И все же подлинная причина конфликта, как мне кажется, в другом: его истоки лежат в тяжелом мучительном переходе Самарского театра из одного эстетического состояния в другое. Сорок лет его люди жили по одним эстетическим законам, а теперь им предлагаются приспособиться к иным — легко ли это? Смена художественного руководителя драматична для любой труппы, а если худрук сразу же допускает этические ошибки, то это двойное тяжесть.

Меня насторожило, что автор на обратил внимания на творчес-

кие проблемы театра, что он не заботится о будущем. Отчасти я его понимаю: мне тоже нередко хочется, чтобы те, кому я сопротивлялся, победили. Второй, однако, задает себе прямой вопрос: «Что будет потом?» Ответ на него мне, увы, ясен: из-за того, что творится в труппе, мы можем потерять театр.

Артисты уже хотят собственной власти — им нужно актерское самоуправление, художественный совет, который встал бы во главе театра. В этом случае они сами будут приглашать режиссеров, сами станут определять, куда идти коллективу. В Самарском академическом театре решается вопрос, станут ли у руля артисты или же его поведет художественный лидер, способный предложить труппе и городу оригинальную эстетическую программу. Первый путь наиболее гибкий из всех возможных — коллегиально управлять театром не liability. Им может руководить только художественный лидер — режиссер, заслуженный артист — но не группа товарищей.

Я хочу верить в то, что возможности мирного, разумного решения конфликта далеко не исчерпаны. Я надеюсь, что режиссер и актеры смогут забыть подлинные и мнимые обиды и вместе двинуться дальше — ради собственного будущего, во имя замечательных традиций Самарского театра.